

Полевой Е.

**По ту сторону китайской
границы. Белый Харбин**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П49

П49 **Полевой Е.**
По ту сторону китайской границы. Белый Харбин / Полевой Е. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 87 с.

ISBN 978-5-458-30011-7

Очерки Е. Полевого о Северном Китае. О чём книга можно понять по названию глав: Белый Харбин статически Белый Харбин за работой Обыватель Китайский Харбин Хунхузы Войска, полиция, администрация Суд и адвокатура в ОРВП Рабочий Харбин Южная Маньжурия

ISBN 978-5-458-30011-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БЕЛЫЙ ХАРБИН СТАТИЧЕСКИ

В наши дни Харбин производит чудовищно странное впечатление. Когда вы попадаете в этот город, вы как-то почти не чувствуете себя за границей. Кругом—русские лица, вы слышите почти исключительно русскую речь, на улицах магазины с русскими вывесками, во всех углах города—православные церкви, даже на углах улиц то тут, то там торчат типичные старые русские „городовые“ в несколько обновленной китаизированной форме. Только мелькающие на каждом шагу китайские физиономии и костюмы напоминают вам о том, что вы находитесь на территории суверенного Китая. И тогда начинает казаться, что весь этот город случайно вырвали из какого-то далекого дореволюционного российского захолустья, искусственно пересадили на чужую почву, отрезали границей от территории и от истории породившей его страны, привили ему какие-то нелепые ростки самого банального и пошлого современного американизма с его фокстротами, сода-виски и чавкающими за каждым ресторанным столиком бизнесмэнами, да так и оставили в таком анахроническом состоянии совершенно противоположного соединения самых разнообразных и плохо сливающихся в единое целое элементов.

Все это однако так только до тех пор, пока мы подходим к этому городу в графаретно-национальном разрезе и делим его элементы на „русский“ и „нерусский“. Но если от этих понятий мы отойдем в сторону живой современности и подставим вместо них понятия „советский“ и „несоветский“, то картина немедленно резко изменится, и окажется, что в этом русском городе, как будто вынырнувшем из тьмы ушедшей в область истории дореволюционной эпохи, нет ничего подлинно советского кроме нескольких тысяч русских рабочих, сравнительно небольшой группы советских работников, нескольких филиалов советских торговых и промышленных предприятий и Советского генерального консульства. Все остальное, что по внешнему виду кажется „русским“,—это остатки беженской накипи

Дальнего Востока, это та плесень, которая была смыта волной революции с бесконечных пространств старой России и теперь смрадно догнивает в харбинском гушике.

Харбин полон беженцами, или, как их принято сейчас называть, эмигрантами, самых разнообразных типов.

Здесь есть тот панический обыватель, который десять лет назад бежал, не отдавая себе точного отчета в том, почему он это делает, бежал просто потому, что все бежали, и потому, что страшно и странно было оставаться, когда все почему-то бегут. Добежав до Харбина, он опомнился, расслоился и разложился: частью ушел в какие-то мелкие спекуляции, частью оброс местным мохом и приспособился, забыв о своей прежней жизни и превратив Харбин в свое новое отечество, из которого ему никуда не хочется ехать, частью потянулся даже назад. Этот обыватель в подавляющем большинстве своем совершенно аполитичен, не держит никакого камня за пазухой, и только страх пережитого, страх перед неизвестным да злобное шипение местной белой прессы заставляет его сплошь и рядом держаться в стороне от всего советского или даже мечтать о политической реставрации.

Другой тип беженца-эмигранта—это бывшие люди, те, которых революция и Октябрь свалили с каких бы то ни было, хотя бы самых маленьких, высот. В этой категории людей можно встретить и бывших предводителей дворянства и бывших колчаковских министров; профессоров с убеждениями и без таковых; адвокатов, имевших крупную практику; видных когда-то общественных деятелей всевозможных направлений, оставшихся не у дел после победы Октября; занимавших положение царских чиновников и помещиков, выбитых революцией из своих насиженных „дворянских гнезд“, закопавших в таинственных углах своих столетних заброшенных садов остатки фамильного серебра и превратившихся в голых людей на голой земле! Эти тоже успели уже приспособиться, разложиться и расслониться. Часть из них превратилась в мелких дельцов-спекулянтов в самых разнообразных закоулках жизни, другая—просто опустилась на смрадное харбинское дно, третья—сохранила в полной неприкосновенности всю свою прежнюю озлобленность против революции и ненависть к тем, кто вынес ее на своих плечах, и превратилась как бы в идейную головку продолжающей оставаться активной части антисоветской эмиграции. Этот сорт людей неустанно

брюзжит, шипит и клеветет, стараясь действовать, чтобы не умереть окончательно политически. Он возглавляет всевозможные белогвардейские организации, издает антисоветские газеты, устраивает антисоветские и фашистские демонстрации, заказывает раза два в год панихиды по Николае II и недавно еще выражал в многочисленных телеграммах, посылавшихся обязательно „от имени угнетенного русского народа“, свои верноподданнейшие чувства „верховному вождю государства российского“ не так давно умершему бывшему великому князю Николаю Николаевичу. Нет той лжи, бессмыслицы и клеветы, которая не подхватывалась бы, не раздувалась бы и даже просто не придумывалась бы этими людьми, если только она хоть как-нибудь может бросить тень на советскую власть.

Наконец третий сорт современных харбинских эмигрантов—это те, кто не просто бежал по инерции или сознательно, а активно боролся с советской властью и ее Красной армией на фронте гражданской войны и отступал постепенно на китайскую территорию с оружием в руках. Это главным образом бывшие офицеры всяких формирований, служившие в армиях и отрядах генерала Каппеля и адмирала Колчака, атаманов Дутова, Семенова, Красильникова, Волкова, Калмыкова и барона Унгерна и многих других, которых в победном шествии революции пятая Краснознаменная армия постепенно загнала в маньчжурский тупик и заставила сложить там оружие. В подавляющем большинстве своем это люди, почти со школьной скамьи попавшие на фронт империалистической или гражданской войны и затем в течение долгих лет непрерывно воевавшие и не знавшие никакого другого дела и никакой другой обстановки кроме старой вонючей походной казармы. В этой казарме они опустились и одичали, утратили человеческий облик, превратились в каких-то профессионалов войны, не умеющих ни ориентироваться, ни существовать в мирной обстановке. Это те кадры, которые может в любой момент завербовать какая угодно военная авантюра; это те люди, которые готовы продать по сходной цене свою застарелую привычку к походу и к сидению в окопах в любые руки, лишь бы вербующий их авантюрист написал на своем знамени хоть какой-нибудь самый затасканный антисоветский или антикоммунистический лозунг, ибо ненависть ко всему советскому и большевистскому впитана их организмами годами.

и от этого яда коммунизмоненавистничества они уже никогда не смогут освободиться.

Особую разновидность харбинских эмигрантов, постепенно сложившуюся из всех их категорий, составляют те, которые ради куска хлеба, теплого местечка, а иногда и в силу тех или иных политических соображений изменили даже своей затрепанной за годы войны и революции идее „родины“. Это люди, прильавшие китайское подданство или устроившиеся на китайскую службу.

Первую их категорию породила и размножила главным образом КВЖД. Мукденское соглашение между правительством СССР и автономным правительством Трех восточных провинций Китая определило, что на службе КВЖД могут состоять только граждане СССР или подданные китайской республики. И когда это постановление Мукденского соглашения начало проводиться в жизнь, огромному количеству русских, частью служивших на дороге и до революции, частью пристроившихся на ней после бегства с советской территории и превращения в эмигрантов, пришлось решать вопрос о том, что предпочесть: сдать свои прежние принципиальные или неprincipиальные убеждения и позиции, зарегистрироваться в советском гражданстве и остаться на дороге или ничего этого не делать и уйти с насиженных и кормивших их мест. И огромное количество людей страховало себя от этой дилеммы тем, что принимало китайское подданство и становилось таким путем неуязвимым для советской части управления дорогой, естественно стремившейся очистить аппарат от белогвардейских элементов.

Вторая категория этих людей—это те, которые пристроились непосредственно на китайскую службу. Ими буквально пропитан весь харбинский административный и судебный аппарат. На них наталкиваешься всюду, на каждом шагу: они сидят в полиции, в налоговом аппарате, в суде, в китайском муниципалитете, в земельном управлении, в штабе, в качестве советников, чиновников, судебных и полицейских приставов, переводчиков, контролеров и ревизоров, действуют систематически и упорно, обволакивая китайских чиновников своим повседневным влиянием, заражая их антисоветским злоныкательством, клеветца и измышляя всевозможные против них козни коммунистов, проводя и вредничая по мелочам, добиваясь таким образом органи-

зации непрерывных гонений на советских работников и всю советскую общественность Харбина.

Шаконец третья категория тех же людей—это люди, продающие безостановочно воюющим уже много лет подряд китайским генералам свою привычку лежать в грязном окопе, сидеть в вонючей казарме и стрелять из винтовки. Гражданская война в Китае не доходит до Харбина, она идет много южнее, а потому и эти наемники китайских военных авантюристов под предводительством своего шефа—генерала Печаева—воевали обычно вне Харбина и соприкасающихся с ним районов, которые являлись для них глубоким тылом. Но и в Харбине сплошь и рядом можно было встретить на улице типичного русского офицера, переодетого в китайскую военную форму, в большинстве случаев ведущего себя по шаблону всякого старого офицера, к тому же опустившегося до предела, вырвавшегося из грязи окопа на побывку в тыл, часто не совсем трезвого или просто пьяного, иногда скачущего с диким гиканьем на извозце по главным улицам города, иногда мчащегося в соответствующей пьяной компании на автомобиле и всегда готового на любой пьяный дебош или какой угодно эксцесс. Это в сущности своем люди, уже давно сжегшие все свои корабли, а с ними даже и самые крохотные идейки, когда бы то ни было копошившиеся в их атрофированном мозгу, люди, которым терять уже нечего, которые могут безжалостно и безудержно прожигать свою жизнь.

Впрочем нужно сказать, что почти вся харбинская эмиграция в подавляющем большинстве своем и за очень редкими, единичными исключениями состоит сейчас из таких потерявших себя людей. Как бы ни кричали харбинские белогвардейские газеты, как бы ни злопыхали отдельные аполиты безвременно скончавшейся „белой мечты“, как бы ни раздувалась лягушка харбинского беженства в своем стремлении превратиться в белого коня, на котором можно было бы въехать непосредственно в Москву, для того, чтобы посадить на „российский престол“ какого-нибудь коронованного идиота,—видно на каждом шагу, что все „белые мечты“ давным-давно похоронены, что у этих жалких, выброшенных за борт жизни, людей не осталось в душе никаких признаков подлинной надежды и веры в свою правоту и свои силы, а на их месте образовалась роковая, ничем не заполненная пустота, которую можно иногда залить вином, а иногда начинить всякой тrefбухой

пленительного, но никого не утешающего и не дающего никаких надежд, самообмана.

Эта зияющая пустота и необходимость заполняющего ее самообмана и породила в течение всех последних лет тот поток мелкого и гнусного вредительства, который выливался в форме то безграмотной фальшивки, то покушения на советского представителя, то организации налета на советское консульство и заменял собою прежний фронт гражданской войны и пепеляевские походы из Аяна на Москву, ставшие уже не по плечу разложившемуся и одряхлевшему беженству.

Загнанное в беспросветный тупик американизированного харбинского захолустья, потерявшее последние силы и последнюю веру в свое будущее, это беженство не могло обходиться без таких мелких и подлых гнусностей, как без привычного наркоза, который хоть на несколько дней или часов порождает какие-то иллюзии. Были годы напряженной борьбы, когда эти люди докатывались до Волги и Камы, когда Деникин брал Орел, а Юденич угрожал Ленинграду и на устах их всех была одна фраза: „Капут большевикам! Через месяц будем в Москве!“ Не вышло... Был Кронштадт и волнения в Сибири, была меркуловщина в Приморье—и снова казалось: „Скоро, скоро! Большевикам приходит конец!“ Не вышло... Был страшный голодный год, и эти люди снова ликовали в душе: „Вот он, конец большевистского царства!“ Не вышло... А годы шли. Безусые мальчики превращались в зрелых мужчин, старики сходили в могилу, сильные и здоровые мужчины незаметно изнашивались и переступали порог старости. Кругом шла какая-то ненужная, чужая жизнь, шла мимо, не задевая нутра, томительное ожидание затягивалось, временное и случайное становилось длительным и постоянным; а Москва, Самара, Казань, вообще все свое, родное, насиженное, привычное—отодвигалось все дальше и дальше, едва мерещилось в тумане полузабытого прошлого, оставалось запретным и недоступным.

Можно было запеть под пьяную руку в ночном кабаке:

Есть на Волге городочек...
Вспомни, что было...

Но вспоминать становилось все труднее и труднее.

Можно было в пьяном угаре хватить кулаком по столу и икотно зарычать:

Эх, шарабан мой, да шарабан!
Не будет денег, — тебя продам...

Но нельзя было вернуться домой, нужно было сидеть и жить дальше в этом тупике без всякой надежды на выход из него, на возвращение. До каких же пор? Еще год, два, десять, пятнадцать, двадцать лет? До тех пор, пока уже будет совершенно наплевать, где и как подохнуть?

Нет, так жить нельзя.

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман...

И обман немедленно вырос там, где жизнь без него становилась сплошным давящим кошмаром. Правда, обман не „возвышающий“, а самый низкопробный, пошлый, дурацкий, рассчитанный на опустившиеся, отупевшие и одичавшие человеческие мозги.

Язык дан человеку для того, чтобы скрывать истину, и этот язык „заработал“ на страницах белой прессы. Когда пала последняя цитадель выродившейся „белой мечты“ во Владивостоке, когда сумасшедший барон Унгерн был взят в плен Красной армией и увезен в Новосибирск, когда иссякли все Кронштадты, когда правительство СССР было признано Китаем де-юре и начались переговоры о передаче ему КВЖД, когда краса и гордость колчаковского правительства—его премьер-министр П. В. Вологодский—принял китайское подданство,—эта пресса только то и делала что стала просто измышлять. В течение ряда последних лет в редком номере харбинского „Совета“, „Русского голоса“, „Русского слова“ и других органов белогвардейских вещаний нельзя было не прочитать о „крупных крестьянских волнениях, охвативших несколько губерний“, о сражениях на улицах Москвы, о массовых расстрелах, о покушении на Сталина или Рыкова, о восстании в Красной армии и т. д. и т. д. Вся эта дребедень измышлений шилась белыми нитками.

1 мая 1927 г. около 11 часов утра по улицам Харбина побежали газетчики, бойко продававшие экстренный бюллетень, содержащий одну лишь телеграмму о том, что в этот же день в Москве во время первомайской демонстрации на Красной площади вспыхнуло восстание и советская власть свергнута. Достаточно было сообразить, что эта телеграмма появилась на улицах Харбина уже в напечатанном виде в то время, когда часы в Москве по-

казывали только половину пятого утра, а „поднявшие восстание демонстранты“ еще мирно спали в своих постелях, чтобы расшифровать вздорность ее содержания. Но разве доброкачественность преподносимого имеет какое-либо значение в подобных случаях? Ведь вздор все равно будет расшифрован—если не сегодня, так завтра; не завтра, так через месяц. Дело не в этом,—дело в том, что такая телеграмма—лишний шприц морфия в дряблое и умирающее тело „рыцарей белой мечты“, облаченных в китайскую военную или полицейскую форму или мирно щелкающих на счетах в управлении дороги под новой личиной „китподданных“. Их этот вздор окрылит надеждами на несколько минут или часов, а может быть позволит им просуществовать без мысли о крючке, на котором можно было бы повеситься, один лишний день. Сдавшийся в июне 1923 г. Красной армии в Аяне генерал Шепеляев, когда его судили в Чите, на вопрос председателя Военного трибунала о том, как же он мог представить себе, чтобы из Аяна с горсточкой плохо вооруженных людей можно было дойти до Москвы, ответил: „Но ведь в харбинских газетах ежедневно писали, что вся Якутия и почти вся Россия охвачены грандиозными восстаниями против советской власти, которые нужно только объединить. И мы думали, что при помощи якут быстро дойдем до Иркутска, а оттуда двинемся и на Москву“.

Так на месте прежней „белой мечты“ вырастает рожденный сознательной ложью „идейных“ руководителей анти-советского беженства тяжелый и душный „белый бред“. Те политические проходимцы и шарлатаны, которые собственноручно ткнут эти узоры, конечно знают им настоящую цену. Одичавшая и опустившаяся эмигрантская толпа давно утратила способность отличать вздор от правды, и потому каждая пелопейшая строчка совершенно очевидной для всякого здравомыслящего человека брехни принимается ею за чистую монету.

И именно поэтому в довольно многочисленных и разнообразных в своем составе кадрах современной харбинской белой эмиграции нет ничего более жалкого, ничего более тупого, а потому и ничего более способного на какую угодно политическую гнусность, чем эти утратившие всякую способность логически мыслить статисты российской контрреволюции. Они действительно всегда готовы на все — на любое преступление, на любое гнуснейшее предатель-

ство, на какую угодно политическую низость, лишь бы так или иначе уздвить тех, кто стоит сейчас у власти в той стране, двери которой для них закрылись навеки. В зависимости от своих индивидуальных склонностей и технических способностей они готовы по любому заказу готовить безграмотные политические фальшивки и подделывать советские червонцы; стрелять в советских представителей или устраивать набеги на советскую территорию; одеваться в китайские военные мундиры и устраивать еврейские погромы; усыпать розами путь всякой иностранной армии, которая попыталась бы перейти границы СССР, и лизать грязные сапоги любого китайского маршала или даже его судомойки, если этот маршал, хрипло икнув после сытного обеда, изволит выразиться неодобрительно о коммунистах; изображать из себя благоговейно молящуюся толпу на панниках по „зверски убиенном большевиками императоре всея России“ и врываться в советские консульства в погоне за вездесущим Коминтерном и плохо лежащими деньгами.

Не уставшие еще надеяться на возврат прочно похороненного Октябрем любезного их сердцу прошлого большие акулы и идейные вдохновители российской контрреволюции хорошо учитывают эти способности окружающей их мелкой шпаны эмигрантских кадров и умеют их использовать в надлежащее время и в надлежащем месте. И в своеобразной и неповторимой в других местах харбинской обстановке они прежде всего обволакивают этими выплеснутыми из Советской страны человеческими помоями весь китайский административный и судебный аппарат Харбина для того, чтобы заставить его лить воду на их мельницу и загребать китайскими руками тот жар, который не дается в их собственные руки.

БЕЛЫЙ ХАРБИН ЗА РАБОТОЙ

Каждого, кому приходилось за последние годы переезжать через границу СССР и Китая между 86-м разъездом Забайкальской железной дороги и ст. Маньчжурия КВЖД, всегда сразу поражало одно обстоятельство: как только поезд остановился у перрона ст. Маньчжурия, в вагон входили 2—3 китайских офицера в сопровождении стольких же китайских солдат и одного или двух русских одетых в англазированную форму таможенных чиновников. На фоне неуклюже сидящих китайских военных мундиров и заплывших жиром или грязью китайских военных физиономий эти всегда безукоризненно чистые, одетые изящно и с иголочки, хорошо упитанные, чисто выбритые и держащиеся с холодно-вежливой военной выправкой русские немедленно бросались в глаза. Впоследствии вы все расшифровывали: один из них барон Гюне, другой—представитель какой-нибудь иной столь же аристократической фамилии.

Вы могли подумать, что эти русские сопровождают китайский охранный контроль в скромной роли переводчиков или чего-нибудь подобного. О, нет! Они—главные действующие лица в этом контроле. Китайские офицеры, которых они сопровождают, очень часто почти не говорят по-русски, а советские документы и визы для них почти то же, что для нас китайская грамота. Они скорее ассистируют, чем проверяют ваши документы. Ключ к этой проверке не у них,—он в руках у российского эмигранта, бывшего остзейского барона Гюне и достойных его однокашников. Это он прожужжит над вашим ухом деревянным голосом опытного жандарма:

— Ваши документы!

И вы чувствуете сразу, что проходите не китайский, а белогвардейский контроль. Понятно, что руки у этого барона связаны: он не сможет, как делал это другой барон, несколько лет назад терроризировавший Монголию и прилегающее к ней Забайкалье, ни посадить вас в вагон к своему медведю, ни поджарить вас на плите, ни залить